

Иван Панаев

Раздел имения

Иван Иванович Панаев

Раздел имения

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=659955*

Аннотация

«...Когда я подъезжал к своей деревне, вечер был ясный и тихий, а воздух растворен благоуханием, точно весною. По мере приближения моего к моему наследию мне все становилось приятнее, и даже лошадки мои стали пободрее: видно, они, сердечные, почуяли близость стойла. Доброй рысцой бежали они по узенькой гладкой проселочной дороге; пристяжные извивались в кольца и мордами задевали наливавшиеся колосья ржи и ячменя. Тот год был отменно урожайный...»

Содержание

I	4
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иван Иванович Панаев

Раздел имения

Отрывок

(Из записок

благонамеренного человека)

I

...Когда я подъезжал к своей деревне, вечер был ясный и тихий, а воздух растворен благоуханием, точно весною. По мере приближения моего к моему наследию мне все становилось приятнее, и даже лошадки мои стали пободрее: видно, они, сердечные, почуяли близость стойла. Доброй рысцой бежали они по узенькой гладкой проселочной дороге; пристяжные извивались в кольца и мордами задевали наливавшиеся колосья ржи и ячменя. Тот год был отменно урожайный. Любо было смотреть на полосатую степь, засеянную хлебами: рожь сияла, как золото, а подымалась в рост человеческий; ячмени же еще зеленые, но такие тучные, что в иных местах полегли от тяжести колосьев, а между ними красные полосы гречихи, покрытые сверху серебряными цветочками.

Овсы были, правда, в тот год немного плоховаты. «Ну, да не все же вдруг, – подумал я, – и за то, что есть, надобно благодарить бога: все мы зависим от его правосудной воли. Он нас награждает, он и лишает нас, а ропот – есть грех...» Вот он, деревянный домик, немного нагнувшийся на одну сторону от ветхости, – место моего рождения; вот роща за этим домиком – место моих детских забав; вот речка Утка. Утка! Утка! в душный летний день я, бывало, купался в водах твоих! по твоей гладкой поверхности спускал кораблики! А этот густой восьмидесятилетний вяз перед домом... Господи! у меня так и забилося сердце, так и закапали слезы. Кибитка остановилась у подъезда, и я перекрестился.

Если бы обладал я самым бойким и красноречивым пером, и тогда не мог бы описать того, что почувствовал, войдя в комнаты, особенно в спальню матушки, где оставалось все, как было при ней. В углу старинный большой киот, и в нем образа в почерневших от копоти старинных ризах с камнями; и перед каждым образом свеча желтого воска; диван работы домашнего столяра нашего, обитый ситцем с изображением памятника Минину и Пожарскому; шкаф со стеклами, в котором стояли никогда не употреблявшиеся парадные чашки; круглое зеркало с голубем наверху... Воспоминание охватило меня со всех сторон; но к приятности, ощущаемой мною, присоединилась грусть, потому что я в первый раз вполне постигнул невыгоду одиночества и то, что дом без хозяйки все равно, что тело без души. Пыль густым

слоем покрывала мебель, а паутина висела около зеркала и киота.

В некотором волнении я вышел из дома прямо в рощу. Здесь каждое дерево, каждый куст были мне знакомы. Эта береза посажена дедушкой, этот клен – батюшкой, а этот куст – матушкой. Под этою сосною батюшка очень строго меня наказывал, за что матушка очень рассердилась на него; за этими кустами барбариса я прятался от своей няньки, которая оглашала всю рощу своими криками, зовя меня к маменьке учиться. «Отчего все прошедшее имеет такую необыкновенную приятность?» – подумал я.

Через два дня соседи мои узнали о моем приезде, а на третий день утром приехал ко мне врач нашего уездного города. Он был человек моих лет, из немцев, впрочем, только по имени и по фамилии, а по манерам и по всему нельзя было отличить его от нашего брата русского; рост имел средний, волосы темно-русые и карие глаза, которых зрачки бегали из стороны в сторону с неимоверною, можно сказать, быстротою, что всегда поражало меня в его физиономии.

О свойствах души его в то время я еще не знал ничего положительного; несмотря на то, мне казалось, что он человек кроткий и услужливый, почему я и принял его с изъявлением непритворного удовольствия. Обменявшись приветствиями, мы сели друг против друга.

– Что новенького, Христиан Францевич, в нашем уезде? – спросил я его.

Он вынул из кармана табакерку и предложил мне понюхать табак.

– Новенького-с?.. Да. Старичка-то Коробова знавали вы или нет? Добрая был душа покойник! мы все по воскресеньям у него обедали: я, исправник, судья и все наши. Бывало, тотчас после обедни и шлет за нами...

– Очень знал. Пользовался ихним вниманием. Ну, скажите, бога ради, что наследники-то склонились ли к полюбовному разделу?

– Попролам с грехом приступили к делу, и то за несколько дней до вашего приезда. Правда, сундуков пять, шесть поразрыли. Комедия, я вам скажу! Меня тоже втянули: один из наследников, человек безответный и благоденственный такой, не хотел лично связываться с своею роденькою, говорит: возьми от меня доверенность; делать нечего, думаю, и не хотелось, а взял... Как вы поживаете? Надолго ли к нам?

– Хотелось бы и подольше собственными глазами обзреть все. Но что делать? ведь нельзя: человек служащий, занимаешь пост. Нештатные чиновники совсем другое, и ответственности нет; им ничего, разница большая! А позвольте узнать, многие ли наследники налицо?

– Пять налицо, а три поверенных, в том числе и я. Дом-то небольшой, они там как пиявки в банке; впрочем, общий обеденный стол довольно хороший и вино петербургское. Покойник оставил богатейший погреб. Есть шампанское – рублей по 15 бутылка в Петербурге стоит, такого совсем ро-

зового цвета. Очень приятное вино.

– Знаете, Христиан Францевич, вино по комплекции: иное совсем пить не можешь, а другого сам желудок требует.

– Конечно... Наследники-то ни за что не приступили бы к любовному разделу, если бы не гражданская палата. Двухгодичный, положенный законами срок истекает: заплатить восемьдесят тысяч штрафа, так и в затылке зачесется; они же все такие, между нами будь сказано, скряги. Ихние дамы все лоскутки так и режут на мелкие части, настоящую лапшу делают. Шаль или английский платок попадетса под руки – так и шаль, и платок пополам. Если бы не дамское дело, иной раз лопнул бы со смеха. Мы с Матвеем Ивановичем исподтишка над ними порядочно подтруниваем. Вы, может, изволите быть знакомы с Матвеем Ивановичем Лакаевым?

– В Петербурге я имел удовольствие встречаться с ним в одном доме.

– Он человек очень солидный и рассказывает, что часто награды по службе получает. Петр Петрович – самый меньший из наследников, который всегда живет в Петербурге, свистун, должно быть, какой-нибудь, – просил его приехать вместо себя на раздел и дал ему такую доверенность, что он по ней все может. Тонкий человек Матвей Иванович, хорошо свои дела обрабатывает.

– А Илья Петрович тоже поверенного прислали?

– Он сам и с супругой уже гораздо более двух месяцев здесь, и Марья Дмитриевна, вдова Гаврилы Петровича, Ми-

хаила Петрович с супругой, Николай Петрович, Федор Петрович...

– Так Илья Петрович здесь? Более мой, скажите! Мы ребятами вместе с ним в лапту игравали! Да и как играл он! Во всех гимнастических упражнениях он был у нас первый! Супруги его не имею удовольствия знать, братцев также не знаю, а его!... на одной лавке сидели, Христиан Францевич! да ведь какой забавник был; зато и доставалось ему, бывало. Он, кажется, годками четыремя постарше меня... Давно не видал его... Что, он все такой же толстый?

– В корпусе толстоват, а лицо средственное, по препорции.

– Илья Петрович! Скажите! Любопытно взглянуть на него.

– Что ж? поедемте сегодня в Плющиху обедать. Несмотря на то, что мне необыкновенно хотелось увидеть Илью Петровича, я задумался при этом предложении. «Обедать!» Строго соблюдая все приличия в продолжение всей моей жизни и будучи уверен, что от несоблюдения их и от необдуманности происходят по большей части наши различные неприятности и несчастья, после минуты молчания я отвечал:

– Не полагаю, чтобы приличие дозволяло ехать в первый раз обедать, не сделав сначала утреннего визита и не познакомившись предварительно с другими господами наследниками.

– Полноте, что за церемонии в деревне. Мы живем запро-

сто, а вы привыкли к столичному этикету.

Замечание это показалось мне небезосновательным. Подумав немного, я убедился, что в деревне точно не может и не должно существовать такого строгого этикета, как в столице или губернском городе.

II

Плющиха находится в пяти верстах от моей деревни. Мы доехали скоро, тем более, что дорога шла под гору. Христиан Францевич первый вышел из брички и сделал, помнится, остроумное замечание насчет ветхих ступенек лестницы у подъезда дома.

Мы вошли в залу.

Надобно упомянуть, что до сей минуты ни разу еще не случилось мне лично находиться при каком-либо разделе; оттого зрелище, представившееся мне, оставило во мне сильное впечатление.

Зала была средней величины, продолговатая и невысокая, а оштукатуренный потолок и стены немного закопчены от времени; известно, что низкие комнаты всегда скорее копятся. Во всю длину залы стоял стол простого дерева, на котором навалены были груды разных вещей, как то: старинные камзолы, обшитые позументом, бархатные и шелковые французские кафтаны, милиционные мундиры, панталоны — драдедамовые, плисовые, демикатонные и другие. В числе прочего заметил я несколько кусков холста, роброны, мантильи и прюнелевые башмаки на высоких и узких каблуках.

Кругом стола сидели наследники и наследницы; позади же их стульев стоял целый строй лакеев в длинных сюртуках из зеленого домашнего сукна. Лакеи эти были, как на подбор,

все молодцы, плотные и высокого роста.

Раскланявшись на все стороны, я остановился, ища взорами Илью Петровича; но он предупредил меня, вскочил со стула и подбежал ко мне с распростертыми объятиями. Лет семь не видал я Ильи Петровича. Он, показалось мне, много изменился: волосы на голове с затылка уже начинал зачесывать вверх, что придавало ему вид более степенный; в глазах его не было заметно той живости, которая всегда отличала его от других; по всему должно было заключить, что он был большой хозяин и что недаром прорезались на его лбу три глубокие складки. В корпусе он заметно потучнел, чему я, впрочем, нимало не удивился, убежден будучи несколькими примерами, что люди, оставившие службу и пользующиеся свободой и деревенским воздухом, в короткое время незаметно поправляют свое здоровье.

Три раза поцеловал меня Илья Петрович, не выпуская из своих объятий; потом минуты две молча и пристально смотрел на меня.

– Все такой же, как и был, – произнес он, – и глаза те же, и все, – разве что похудел только немножко. Душевно, братец, рад видеть тебя... Ну, а...

Но в эту минуту зазвенел тоненький, раздражительный голосок и прервал приветствие Ильи Петровича:

– Этот камзол надобно пополам: ведь он обшит не мишурным, а золотым позументом; позумент можно спороть и отдать на выжигу.

– Пополам, пополам, все пополам! – громким голосом закричал Илья Петрович, отвращая свои взоры от меня и обращаясь к столу.

Спинка камзола затрещала.

– Я старый солдат, – говорил Илья Петрович, обращаясь ко мне, – меня в этом не надуешь; я сумею отличить мишуру от золота. Помнишь, братец, как я надувал тебя в школе оладьями: сахаром посыплю, да и продаю по восьми гривен оладью? а? – При этом Илья Петрович расхохотался. – Имею честь представить вам моего старого товарища и приятеля... Дашенька, ты, я думаю, по моим рассказам заочно знакома с ним?

Илья Петрович произнес мое имя, отчество и фамилию, обозрев своих родственников, сидевших вокруг стола. Дарья Яковлевна, которую он называл Дашенька, была его супруга.

Я, будучи в ту пору еще очень застенчив, молча отвечивал на приветствия и рукопожатия и подошел к ручке Дарьи Яковлевны.

– Позвольте вам рекомендовать себя, – сказала она мне с самою тончайшею светскою вежливостью.

Я поклонился, отошел от нее, взглянул прямо... И – минута важная в моей жизни! – глаза мои встретились, сам не знаю как, с прекрасными темно-кариими глазами дамы в отличном чепце с розовыми лентами, сидевшей у стола вместе с прочими. Нельзя описать, какое приятное ощущение разлилось по всей моей внутренности от одного ее взгляда.

Магнетическое ли влияние, или другое что действует в таких случаях, не знаю: скажу только, что этот взгляд, скромный и приятный, видимо принимал участие в моей застенчивости и ободрял меня. Даме этой было на лицо лет около тридцати, – но об ней после.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.